

ВАСИЛИЙ ГРЯЗЕВ

НЯНЯ

Дочь встретила Угрюмова в коридоре.

— Папа, а тетя Рая умерла.

— Не говори глупостей,— устало сказал отец, раздеваясь.— Сейчас плохая погода — поэтому она так долго и не едет к нам.

— А я тебе говорю — умерла. Мы письмо получили,— капризно тараторила девочка.

— Сочиняешь всякие небылицы...

Он прошел на кухню. У стола сидела жена с заплаканными глазами.

— В самом деле умерла Рая?

— Да,— протянула она письмо.

Угрюмов развернул помятый тетрадный листок и торопливо стал читать.

— Где же? Тут совсем о другом пишут.

— В самом конце читай...

«В прошлую пятницу похоронили Раю. Умирала она тяжело. И все вспоминала Наташеньку и просила ничего не писать о своей болезни, чтобы не волновать девочку. Все надеялась поправиться и приехать к вам. И не поправилась...»

Угрюмов тяжело опустился на шаткий скрипучий стул — старинную достопримечательность дома. Стул разохся. На спинке его — несмываемые узоры, оставленные в свое время и малышом сыном, теперь уже десятиклассником, и дочкой, которая и теперь, хоть и школьница, не оставляет старый стул без своего внимания. Надо б давно выкинуть его, но берегли как память.

— Не могла раньше написать,— вздыхала жена. Этот упрек адресовался ее сестре, приславшей письмо.— И на похороны не съездили. Не проводили человека в последний путь...

Угрюмов молчал. Он никак не мог представить, что уже нет в живых этой старушки. Что она уже никогда не придет к ним и, гремя посудой на кухне, не будет бурчать и на ребятишек, и на них, взрослых, не дающих укороту детям.

Женщину эту в их дом привела супруга. Работали они тогда в станичной школе. У жены кончался декретный отпуск. Надо было выходить на работу, а девочку оставлять не с кем. Искали няню. А где ее найдешь? Кто теперь пойдет в няни?

Собирались попросить завуча составить расписание так, чтобы у них не совпадали уроки и чтобы можно было по очереди дежурить дома. Благо — школа под боком.

Просить не пришлось.

Однажды Угрюмов пришел домой и увидел необычную гостью. Вместе с женой пила чай старушка не старушка и на молодую не похожа — тонкая как былинка женщина неопределенного возраста. Сутулясь, она сидела за столом, схлебывая чай с блюдечка. Часто моргала — нервный тик у нее, что ли? Напомаженное лицо — с кулачок, но без единой морщинки. И передних зубов нет. Вместо них — желтоватые, истершиеся пни.

— Знакомься,— с деланной веселостью сказала жена.— Наташина няня.

Женщина, не поднимая моргающих глаз, протянула хозяину почти детскую руку, отрекомендовалась:

— Рая.

И засуетилась, готовя еще один чайный прибор.

— Я сам,— буркнул Угрюмов. Но, заметив сердитый взгляд жены, очень многозначительный, предвещающий бурю, уже помягче добавил:

— Я привык сам ухаживать за собой.

Наскоро выпил чаю и ушел в свою комнату. Жена вошла почти вслед за ним.

— Ты ждал красавицу какую-нибудь? Царевну-лебедь? Красавицам в няньках делать нечего. Скажи спасибо, что эта согласилась. Некуда ей податься — вот и согласилась. А ты ведешь себя барином. Зачем обидел женщину? Думаешь, она не заметила твоей гримасы?

— Тебе надо было подумать, кого берешь: твоего ребенка будет нянчить. Ребенка!

— Я подумала. Она, может, в сто раз аккуратнее тебя. А за стол будешь садиться вместе с нами. Попробуй только не сесть...

Угрюмов хорошо знал характер жены. И, капитулируя, согласился:

— Ладно, мать, поживем — увидим.

Так Рая осталась в их доме.

Это было вроде бы совсем недавно. Но дочь уже в третий класс ходит. Подумать, как летит время!

Жена так и сидела, не шелохнувшись. Угрюмов погладил ее плечо:

— Успокойся, мать, жизнь есть жизнь. Ничего не поделаешь.

Он поужинал. И взялся, по своему обыкновению, за вечерние газеты. Но не читалось. Мысли возвращались к печальной весте. Ушел из жизни человек. Хороший ли, плохой, но человек. Кто она ему? Что он, собственно, знал о ней?

В станице Раю называли безродной. Так говорят о людях, у которых нет близких. Но у нее была старшая сестра, родные племянницы по брату, погибшему в войну. С сестрой хоть и

жили в одном доме, не ладили. Когда-то ее оскорбила старшая, и с тех пор они поссорились на всю жизнь.

Со снохой дружили. Она-то и порекомендовала ее жене Угрюмова.

Детей у Раи никогда не было: замуж не выходила. А когда хозяин по случаю праздничной рюмки подшучивал: «Отбила бы мужика у какой-нибудь раззявы», Рая, не подозревая обидной шутки, с достоинством отвечала: «Нельзя, я в райкоме работала».

Она действительно работала в райкоме, техничкой. Оттуда и на пенсию вышла. О своей бывшей сотруднице в райкоме не забывали: каждую осень ей привозили дрова и уголь. И дни эти, пожалуй, были самыми радостными в году. И к месту и не к месту она говорила:

— Топка мне на зиму не нужна — райком все привез...

Или, если что требовалось, говорила:

— Схожу в райком — помогнут. Очень она гордилась своей старой работой.

К обязанностям няни относилась рьяно. Чувствовала себя в доме Угрюмовых хозяйкой после, конечно, действительной хозяйки. Иногда это бесило Угрюмова, иногда смешило.

Однажды в буран Угрюмов прибежал домой проверить, не сорвались ли ставни. Дома не оказалось ни няньки, ни крошечной дочери. Сын объяснил:

— Пошли гулять.

— Да она же простудит девчонку. Куда ушли?

— Не знаю, папа, я тоже не пускал тетю Раю. Она сказала: «Много знаешь».

Угрюмов, забыв о ставнях, бросился на поиски. Раи не было ни во дворе, ни на улице поблизости. «Неужели к речке ушли?»

Так и есть. Нянька стояла на высоком берегу Кумы с ребенком на руках и что-то не то пела, не то рассказывала своей трехмесячной воспитаннице.

— Рая, вы с ума сошли! Кто же по такой погоде гуляет?!

— Дитю чистый воздух пользительный, возле речки. Каженный день надо по два часа гулять.

— Идите сейчас же домой.

— Много вы, мужики, понимаете. Мы с хозяйкой тоже не глупые...

— Вы заморозите Наташку. Она вспыхнула:

— Не чужое дите. Поглядите, как спит.

Дите и в самом деле разрумянилось, сопело в своем «конверте» под завывание ветра, сладко причмокивая толстыми розовыми губами.

— Идите домой, — уже не так уверенно потребовал Угрюмов.

— Рано. Как другая перемена в школе будет, так и пойдём.

Ну что ты с нею будешь делать?

— Ох, мать, волю ты дала няньке, — жаловался Угрюмов жене.

Та смеялась:

— А ты и в самом деле не лезь в наши дела. Это я ей велела гулять побольше.

Кому после этого будешь жаловаться?

Если приходили гости и затевался какой-нибудь разговор, очень далекий от интересов старушки, Рая внимательно прислушивалась и считала своим долгом или в чем-то возразить, или что-то посоветовать.

Жаловались на непослушных учеников, и Рая тут как тут:

— Няньчитесь с ними. Штраханули б одного отца да другого...

— Да за что штрафовать-то отца? Штрафами не поможешь, если оно уродится такое.

— Еще как помогнешь. Вы — отца, а он придет домой сына воспитывать зачнет.

Но больше всего она любила рассуждать о секретах кухни. Все знала, как что делать. Только готовить не приходилось самой. Всю жизнь одна. А много ли одной надо?

Это как-то и погубило ее — осрамилась она и несколько дней фыркала, ни с кем, кроме своей воспитанницы, не разговаривала.

А случилось так. Хозяйка рано утром уехала на рынок в город, ничего не успела приготовить. Рае сказала:

— Где лежат продукты, ты знаешь. Что-нибудь приготовишь. До вечера проживете.

Притворно зевнув, чтобы скрыть радость от такого поручения, Рая пообещала:

— Да уж с голоду не помрем.

Когда все проснулись, она спросила:

— Блины будете есть? А на обед чего-нибудь сварим.

— Валяйте блины. Будем, — подзадорил Угрюмов.

Она стала готовить в кастрюле какую-то болтушку, а Угрюмов взялся шуровать в печи.

— Без вас обойдусь. Лучше на стол готовьте. Доставайте масло, сметану.

Указание ее было выполнено без промедления — в доме любили блины, как говорят, с пылу с жару. Сидел за столом хозяин с дочерью на руках, сидел его сын, позванивая ножом о тарелку.

С блинами у кухарки явно ничего не выходило — они расплзались по сковороде, снимались обгоревшими лохмотьями.

— Черт-те что наделали с плитой, распалили, будто кабана жарить, — бурчала кухарка.

— Это и хорошо для блинов.

— Много дюже понимаете. Говорила, не в свое дело не лезьте. Теперь оладьи придется печь.

— Пойдут и оладьи...

Она доливала воды, добавляла соды, муки. Но и оладьи не выходили. Рвались, тянулись, горели.

— Возьмите Наташу. Может, у меня что получится?

— Гляди — получится из такой муки! — а сама едва не плакала, — Деньги берут за муку, а дают пыль какую-то... Может, пышки попробовать?

Вышло что-то среднее между блинами, пышками и оладьями. Но пересоленное и сырое. Есть это

произведение кулинарного искусства никто не стал, и Рая расплакалась:

— Заелись. Забыли, должно, как голодали когда-то.

И Угрюмову стало ее по-настоящему жаль. Борщ он сварил сам, хитростью выпроводив кухарку вместе с дочкой на прогулку.

Дочери шел четвертый годик, когда Угрюмовы уезжали из станицы. Хозяина переводили на работу в соседний город. Женщины всплакнули, прощаясь. Обняла свою няню воспитанница.

— Как же я буду без тебя, Наташенька,— шептала няня, часто-часто моргая.

— Не плачь, тетя Рая, я к тебе в гости приеду. И ты приедешь.

И няня просветлела. Ведь в самом деле, не на край света уезжают хозяева.

Выехали со двора. Угрюмов сидел в кузове и еще долго видел у старого своего дома в группе провожающих плачущую тетю Раю.

В гости она заявила месяца через полтора. Дверь ей открыл хозяин. Поздоровавшись, она стала бурчать:

— Занесло вас куда! Все ноги отбила, пока нашла.

Передала большой бидон, литров на пять, спросила:

— Наталька дома?

Девочка, услышав знакомый голос, выскочила в коридор, бросилась на шею своей няньке.

«Молоко, что ли, тащила из станицы»,— подумал Угрюмов, выбирая место, куда поставить бидон.

— Наташа, угощай гостью,— сказала хозяйка.

Закинув концы платка на затылок, тетя Рая пила чай с любимым вареньем, рассказывала о станичных новостях: кто на ком женился, кто развелся, кто купил себе машину, кому в школе объявили выговор...

После чаепития она спросила хозяйку:

— Когда Натальке голову мыть будем?

— Суббота же вчера была. Мыли.

— Еще будем мыть. Я хорошей воды из станицы привезла. Городской водой косы не промоешь.

— Рая, вы с ума сошли: тащить воду из станицы...

— Чужой, небось, не привезет...

Потом они вместе с воспитанницей ушли гулять. Вернулись обе перепачканные шоколадным мороженым.

— Что вы наделали, Рая,— простонала хозяйка.— Нельзя же девчонке мороженое. У нее и так все время ангина.

Нянька обиделась:

— Тетка и гостинца не может дитю купить... Без мороженого ангина скорее приключится.

Она по-прежнему чувствовала себя хозяйкой. Во все вмешивалась, сердилась, если что-то было не по ее. Больше всего не понравилась газовая плита — не умела обращаться с нею.

— Тоже додумались — газами топить. Дров, что ли, не хватает?

Но потом вошла во вкус: и нужно и не нужно — зажигала плиту. Видно, приятно было чувствовать себя повелительницей голубого огня.

Погостила она недолго, а когда уехала, жена облегченно вздохнула:

— Не угодила Рая на этот раз. Перестирывать белье придется. При ней не хотела это делать — обидится. Старееет она, плохо видит...

Девочка вступилась:

— И неправда. Тетя Рая хорошо видит. Она мне книжку читала. И совсем не так, как ты. Интереснее. Тут про станицу написано, где я родилась, а ты про что читала?

Мать смутилась—не думала, что дочь прислушивается к их разговору. И не стала оправдываться, что читала не так, не скажешь же девочке, что тетя Рая неграмотна. В детстве она переболела нервной болезнью: на ее глазах убивали отца. Учиться не смогла. Так и осталась неграмотной.

К каждому празднику и на Наташины именины Рая обязательно появлялась в доме Угрюмовых. Жила по неделе, по месяцу. Так же суетилась, так

же хлопотала. Но что-то с нею творилось. То кастрюлю с водой перевернет, то разобьет тарелку, то сожжет утюгом рубашку.

В последний свой приезд больше сидела в полузабытьи, безвольно опустив руки, или полулежала на диване, зябко кутаясь в платок. И даже варенье, до которого она была большая охотница, не привлекало ее.

Потом вдруг засобиравлась домой. Ее оставляли, советовали отдохнуть еще с недельку.

— Надо ехать. Зима наступает, а я и окна не заклеила дома. Ветры подуют — топки не настачишься.

В день отъезда она достала десятку, протянула жене Угрюмова.

— Возьмите, колечко Наташе купите.

— Это что еще за фокусы! — вспыхнула хозяйка.

— Нехай будет на память от тетки Райки. Не обижайте меня,— вздохнула гостья.

Угрюмова смягчилась:

— Приедете в следующий раз, вместе пойдете купите.

— Купите сами. Я в них ничего не понимаю. Никогда не носила...

И Рая уехала.

Может, она уже тогда чувствовала, что приходит ее последняя минута.

«Но почему этого не почувствовал я?— подумал Угрюмов.— И доброго слова не сказал на прощанье. Слова, в котором она, может, очень нуждалась»...

«И все вспоминала Наташеньку и просила ничего не писать о ее болезни, чтобы не волновать девочку»,— вспомнил Угрюмов слова из письма. И не мог усидеть на месте. Встал, неслышно прошелся по комнате.

За столом, у настольной лампы сидел сын, смотрел в раскрытый учебник. Но видно было, думал не об уроках. На диване, обнявшись, молчали жена с дочкой.

За окнами шумел нудный осенний дождь...